

В диссертационный совет Д 212.101.18 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ») (350000, г. Краснодар, ул. Раппиловская, д. 43, Юридический факультет КубГУ)

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

КРАВЧЕНКО Максима Евгеньевича на тему: «Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 - уголовный процесс (научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Костенко Роман Валерьевич). Краснодар, 2017. – 193 с.

Доказывание, составляет основное содержание деятельности в уголовном процессе, вне зависимости от этапа производства по делу и сути, решаемых при этом, непосредственных процессуальных задач. Ядром названной деятельности является категория «доказательств», которая и в теории доказывания, и в доказательственном праве, и в российской уголовно-процессуальной доктрине признается единственным легитимным средством установления фактических обстоятельств дела. Только доброкачественные доказательства, сформированные в ходе производства по уголовному делу в соответствии с предписаниями позитивного законодательства, дают суду основание для законного, обоснованного и справедливого его разрешения по существу.

В числе наиболее сложных, проблематичных вопросов практики судопроизводства специалисты называют те, что связаны с собиранием, проверкой и оценкой допустимости вещественных доказательств, как в досудебном производстве, так и в судебных стадиях процесса. Основным фактором, обуславливающим отсутствие последовательности, единообразия следственной и судебной практики в вопросах судопроизводства связанных с использованием предметов, документов, иных объектов материального мира в качестве вещественных доказательств, специалисты считают неразработанность

категории допустимости доказательств, недостаточную определенность понятия вещественных доказательств и процедур их формирования в позитивном законодательстве. Подтверждением данного тезиса являются весьма многочисленные изменения и дополнения законодателем в последние несколько лет уголовно-процессуального закона, в части регулирования правоотношений связанных с признанием предметов и документов вещественными доказательствами, их проверкой и оценкой, а также то внимание, которое уделяет данной проблематике Конституционный суд РФ¹.

Оценивая в данной связи актуальность, научную новизну, теоретическую и практическую значимость предпринятого М.Е. Кравченко исследования, считаем, что представленная для публичной защиты работа, безусловно, отвечает каждому из названных требований, атрибутивно необходимых для диссертационной работы и является самостоятельной, законченной, научно-квалификационной работой теоретико-прикладного характера.

Обосновывая *актуальность исследования*, диссертант правильно указывает на то, что проблемы определения допустимости вещественных доказательств достаточно известны как теории российского уголовно-процессуального права, так и непосредственно практике уголовно-процессуального доказывания. Вместе с тем, именно в связи с трансформацией социально-правовых приоритетов государства и общества, в том числе и в сфере функционирования права, проблемы формирования и использования вещественных доказательств, проверки и оценки их допустимости приобрели доминирующее положение в уголовном судопроизводстве.

Актуальность исследования обусловлена и тем обстоятельством, что

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 г. № 9-П город Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» /Российская газета - Федеральный выпуск №4720 (0) 1 августа 2008 г.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 4016 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» / Российская газета - Федеральный выпуск №7222 (56) 17 марта 2017 г.

именно в предельно принципиальном вопросе о допустимости вещественных доказательств, включающих категории: предметов, орудий и средств преступления; денег, ценностей и иного имущества полученного в результате совершения преступления - чаще всего сталкиваются интересы сторон и разворачивается их борьба. Верным представляется суждение диссертанта о том, что необходимость намеченного исследования во многом вызвана пробельностью или явной недостаточностью нормативного регулирования дефиниции вещественных доказательств, процедур установления их допустимости в УПК РФ.

Наконец, весьма актуальным до настоящего времени является правильное разрешение вопросов, связанных: с правилами оценки юридической силы вещественных доказательств, полученных с нарушением закона; с процессуальными возможностями восстановления их юридической силы, поставленных под сомнение одной из сторон; с надлежащей уголовно-процессуальной процедурой исключения вещественных доказательств по признаку их недопустимости из процесса доказывания, как на досудебном этапе производства по делу, так и при разрешении дела по существу.

Именно поэтому, вышеизложенная система проблем и вопросов оказалась в итоге в центре внимания диссертанта, послужила предметом научно-практического анализа, обусловила основные направления исследования. В том же исследовательском контексте методологически точно определены диссертантом цель и задачи исследования, его объект и предмет, методологическая основа, а также теоретическая и нормативная база.

Не вызывает сомнений и *научная новизна* основных положений и итогов диссертационной работы, которая, прежде всего, определяется новизной теоретического, нормативного и эмпирического материала, включенного в предмет исследования, межотраслевым характером теоретических и нормативных источников, выступающих солидной основой для достижения тех непосредственных задач, которые поставил перед собой диссертант.

Определенные признаки новизны имеются и в подходах автора,

предпринимающего усилия по уточнению и разграничению смыслов категории «допустимость доказательств». Несмотря на то, что этот вопрос, отчасти, уже нашел свое отражение в российской уголовно-процессуальной доктрине диссертанту удалось отыскать новые составляющие в рамках позитивистского подхода. Отмечаются признаки новизны и в ряде итоговых выводов диссертанта, выносимых на публичную защиту.

В частности, следует поддержать диссертанта в вопросе о том, что: термин «допустимость» используется в связи с доказательствами в самых различных, порой неоднозначных, значениях. Во-первых, «допустимость», как указание о том, что показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта, специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы имеют статус доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Во-вторых, «допустимость», как условие соответствовать требованиям, установленным УПК РФ, для того, чтобы считаться доказательством (ст. 83 УПК РФ). В-третьих, «допустимость», как условие признания определённых объектов доказательствами по уголовному делу в случае, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ (ст. 84 УПК РФ) (с. 8-9).

Такое «разнообразие» трактовок допустимости доказательств в УПК РФ не способствует правильному надлежащему уяснению сущности данной категории (с. 9).

Не столь новы для теории уголовно-процессуальной науки, но все еще актуальны для формирования правильной правоприменительной практики суждения М.Е. Кравченко о том, что наиболее точным и адекватным образом характеризуют требование допустимости доказательств предложенные в науке уголовного процесса четыре правила допустимости доказательств: 1) о надлежащих субъектах получения доказательств; 2) о надлежащих источниках и процессуальной форме доказательств; 3) о надлежащих способах получения доказательств; 4) о надлежащем порядке осуществления способов получения

доказательств. Проблема «асимметрии» правил допустимости доказательств должна рассматриваться в контексте вопроса только надлежащего правоприменения норм действующего уголовно-процессуального законодательства (с. 9).

Достаточно весома и *теоретическая составляющая работы*. При изучении и обосновании практически каждого из вопросов исследования диссертант проанализировал крупный пласт современного нормативно-правового материала, монографических и специальных, в т.ч. эмпирических источников. Оценивая в совокупности использованные автором методы и приемы исследования, следует констатировать теоретическую и практическую значимость итоговых выводов и рекомендаций, их новизну и эмпирическую верифицируемость.

В теоретическом срезе, отметим, что в работе М.Е. Кравченко, по сути, продолжена, актуальная, теоретически и практически значимая, разработка важнейших направлений теории уголовно-процессуальных доказательств. Диссертантом, в традиционном, нормативно-позитивном ключе концептуально расширено понимание допустимости вещественных доказательств, развито представление о процессуальной процедуре получения, формирования вещественных доказательств на разных стадиях судопроизводства, о возможностях сохранения, восстановления их юридической силы. В этом контексте положения диссертации могут оказаться весьма полезны, как в дальнейших теоретических разработках и научных исследованиях по уголовному процессу, так и в качестве рекомендаций прикладного характера для публичных процессуальных органов.

Обладает работа и необходимыми признаками *практической значимости*. Названные выводы и предложения диссертанта, в том числе и в плане *de lege lata*, безусловно, вносят практический вклад в оптимальное решение ряда важных проблем, связанных с правильным пониманием природы вещественных доказательств, дальнейшего их использования в доказывании. В этом контексте практически каждое из суждений диссертанта, большинство из отстаиваемых им выводов, имеют непосредственный выход в практику

предварительного расследования, на сущность и содержание порядка отправления правосудия в судах первой и второй инстанции.

Ознакомление с использованными эмпирическими материалами позволяет утвердительно ответить на вопрос об *эмпирической обоснованности (достоверности) итоговых выводов* и теоретических суждений диссертанта. Эмпирическая база исследования относительно скромна и в своей репрезентативной основе представлена материалами 11 изученных уголовных дел, результатами анкетирования 122 сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Данные материалы нашли свое достаточное отражение, как в содержании работы, так и при обосновании основных ее положений, обеспечивая в итоге требуемый уровень достоверности суждений диссертанта по основным вопросам работы.

Обращаясь непосредственно к тексту работы, прежде всего, отметим методологический характер первой и второй глав: «Допустимость доказательств: понятие, правила и значение в процессе производства по уголовным делам» (с. 15-37), «Вещественные доказательства в уголовном процессе: сущность, понятие, значение и особенности оценки» (с. 38 – 75) в рамках которых диссертант, по сути, определяется в методологических основах проводимого исследования, уточняет и гармонизирует основные понятия и определения позитивного законодательства и уголовно-процессуальной доктрины. Закономерным итогом такого анализа является система итоговых выводов диссертанта относительно сути и содержания процесса доказывания, понятий вещественного доказательства, допустимости доказательств в российском уголовном процессе.

Однако, основной для исследования является третья глава работы, где М.Е. Кравченко последовательно анализирует правила допустимости вещественных доказательств в уголовном процессе (с. 76 – 141), в том числе: «допустимые субъекты получения вещественных доказательств» (с. 76 – 95); «допустимая процессуальная форма вещественных доказательств» (с. 95 – 108); «допустимые способы получения вещественных доказательств по уголовным

делам» (с. 108 – 122); «допустимый порядок получения вещественных доказательств» (с. 122 – 141).

В заключительной главе диссертант приводит ряд суждений, которые нами разделяются и поддерживаются. Так, нельзя не согласиться с автором в том, что правом собирать и представлять вещественные доказательства обладает широкий круг участников уголовного процесса (а не только должностные лица, ведущие производство по уголовному делу), хотя представление относимых к уголовному делу предметов и документов непрофессиональными участниками судопроизводства еще не означает и не гарантирует их приобщения к делу в качестве вещественных доказательств (с. 89 – 90). Согласны мы и с мнением М.Е. Кравченко о взаимной детерминированности понятий «допустимость вещественных доказательств» и «процессуальная форма доказательств» (с. 98); о легализации в качестве способов получения доказательств: представления результатов оперативно-розыскной деятельности, иных процессуальных действий, законных действий участников процесса со стороны защиты (с. 124 – 125) и др.

Весьма продуктивен и анализ проблем, связанных с профилактикой недопустимости вещественных доказательств и путей восстановления их юридической силы, по сути, подводящий итог рассуждениям диссертанта (с. 149, 151 – 154, 157). Вывод автора о том, что современное состояние нормативного регулирования доказывания в направлении получения вещественных доказательств «...не позволяет предусмотреть в действующем уголовно-процессуальном законодательстве единый универсальный процессуальный порядок ...» - полностью нами разделяется (с.160).

Отстаивая в данной связи положительную (в целом) оценку работы, считаем необходимым, высказать ряд замечаний, призванных уточнить позиции диссертанта в ряде дискуссионных моментов исследования или нацелить его на дальнейшую работу в этом научном направлении.

1. Прежде всего, диссертант не определился в предельно принципиальном для исследуемой темы вопросе: о легальности доказывания

и возможности формирования допустимых вещественных доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Легализация законодателем в качестве методов данной стадии ряда следственных и процессуальных действий существенно расширила возможности публичных должностных лиц отыскивать, фиксировать и собирать предметы и документы, содержащие следы преступления и приобщать их к материалам проверки, а так же и использовать их в качестве доказательств без последующей процессуальной проверки и оценки при отсутствии спора сторон об их доброкачественности и отсутствии возражений суда. Вместе с тем, объективное отсутствие у участников проверочных процессуальных действий формальных процессуальных статусов создает определенные сложности для лиц, проводящих проверку сообщений о преступлениях обеспечить этим участникам возможность реализации «права на защиту», которое является важнейшим элементом обеспечивающим допустимость уголовно-процессуальных доказательств.

2. Автор, к сожалению, не затронул весьма важный вопрос о специфике формирования допустимых вещественных доказательств на основании сведений, получаемых от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и процессуальный статус которого в основном уголовном деле изменился с обвиняемого - на свидетеля, к которому, однако, не могут быть применены процессуальные требования, обязывающие давать правдивые показания под угрозой привлечения к уголовной ответственности². Сохранят ли доказательственное значение предметы и документы, полученные с помощью лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, если досудебное соглашение о сотрудничестве впоследствии было расторгнуто прокурором или признано судом несостоятельным?

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 401 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

3. В положении 7 вынесенном на защиту, автор предлагает дополнить ч. 2 ст. 86 УПК РФ указанием о том, что все представленные письменные документы и предметы должны быть оформлены протоколом представления и, при соответствии сведений ст. 74 УПК РФ, перечисляющей легальные источники доказательств, они должны быть признаны вещественными доказательствами и приобщены к уголовному делу соответствующим постановлением (с. 12 - 13). Однако, на с. 67 своей работы, М.Е. Кравченко полагает правильным считать вещественными доказательствами все изымаемые в ходе следственных действий объекты и лишь в случае необходимости исключать те из них, которые не имеют отношения к делу.

Очевидно, что предложение изложенное на с. 67 фактически отождествляет критерии относимости и допустимости доказательств. Такой подход был свойственен уголовному судопроизводству стран «общего права» (англосаксонский уголовный процесс). Отметим, что в своей работе автор последовательно обосновывает целесообразность или даже необходимость расширения легальных перечней участников доказывания, способов доказывания, «разомкнутости» системы элементов процессуальной формы вещественных доказательств. Тем самым автором обосновывается целесообразность деформализации процесса доказывания, конечным этапом которого станет нормативное регулирование по формуле «разрешено все, что прямо не запрещено законом», в противовес действующей формуле – «разрешено только то, что разрешает закон».

Какой же вариант формирования допустимости вещественных доказательств автор полагает правильным?

4. Исходя из выводов и результатов исследования не вполне понятна позиция автора: следует ли легализовать обжалование допустимости вещественных доказательств заинтересованными участниками в судебном контрольном производстве, реализуемом в порядке ст. 125 УПК РФ?

5. Полагаем необоснованным утверждение диссертанта на с. 63 работы о

том, что признание предметов и документов, указанных в ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ вещественными доказательствами происходит путем вынесения соответствующего постановления без проведения осмотра этих предметов. Часть 2 этой же статьи однозначно утверждает необходимость проведения осмотра, допуская продление его срока, свыше 10 суток - до 30 суток, тем более, что автор сам же об этом пишет на с. 132 диссертации.

6. Значительная часть работы автора посвящена проблематике получения вещественных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности. Автор полагает, что сотрудники органов дознания и предварительного расследования обязаны руководствоваться межведомственной инструкцией, регламентирующей порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю и в суд (с. 117), либо, нормами ст. 15 ФЗ «Об ОРД», в которой законодатель предписывает составлять протокол в соответствии с требованиями УПК РФ в случае изъятия предметов, документов, материалов (с.139). Вопрос: какое значение, в контексте формирования допустимых вещественных доказательств из результатов гласной и негласной ОРД имеют нормы ФЗ «О полиции», УПК РФ, постановлений пленумов Верховного Суда РФ (например, постановления № 29 от 30.06.2015 г.), а так же и правовые позиции Конституционного Суда РФ (например, сформулированная в постановлении № 11-П от 27.06.2000г. «по делу Маслова»)?

Высказанные нами критические суждения, представляется, во многом, вызваны дискуссионным характером проблем, рассмотренных в диссертации, и не умаляют общей высокой положительной оценки представленной на защиту работы. М.Е. Кравченко, на наш взгляд, подготовлено актуальное, оригинальное, комплексное, самостоятельное монографическое исследование. Его содержание может быть использовано как в правотворческом и правоприменительном процессе, так и при разработке курсов лекций по уголовному судопроизводству и в других отраслевых юридических науках.

Результаты проведенного исследования достаточно полно отражены как в

автореферате, так и в публикациях автора. Диссертация М.Е. Кравченко является научным трудом, содержащим оригинальную постановку и решение актуальной, новой для уголовного судопроизводства России проблемы. Исходя из изложенного, есть основания заключить, что диссертация по теме «Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе», соответствует требованиям абз. 2 п. 9, абз. 1 п. 10 и иным требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. Постановления Правительства от 21 апреля 2016 года № 335), является самостоятельным, законченным научно-исследовательским трудом, выполненным на актуальную для науки уголовного процесса тему, а автор исследования – Кравченко Максим Евгеньевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Официальный оппонент, доктор юридических наук
(специальность 12.00.09 – уголовный процесс), доцент,
профессор кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России
полковник полиции

Владимир Вячеславович Терехин

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних
дел Российской Федерации»
(603950, Бокс – 268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
тел. +7 (951)914-81-25, e-mail: v.w.terekhin@yandex.ru)

02 мая 2017 г.

Подпись В.В. Терехина заверяю
Магальский ОК
НА ЧРВД РФ
О.А. Таякин